

УДК 81

ЯСТРЕБОВ-ПЕСТРИЦКИЙ Михаил

Сергеевич,

аспирант 4-го года обучения, кафедра русского языка

YASTREBOV-PESTRITSKIY Mikhail

Sergueevich,

Postgraduate Student (4th year of study) at the Chair of Russian Language

ПОЭТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В XX ВЕКЕ (на основном материале поэтического очерка И. Сельвинского «Путешествие по Камчатке»)

POETIC METAPHOR IN THE XX CENTURY (study upon the data taken from the poetic essay by I. Selvinsky «A Journey Round Kamchatka»)

В статье рассматривается процесс формирования метафорического значения в поэтических произведениях русского советского поэта И.Л. Сельвинского (1899–1968). Рассмотрено, каким образом происходят художественные и эстетические приращения смысла (трансформации значений) в поэтическом очерке И. Сельвинского «Путешествие по Камчатке» (1932). Метафористика И. Сельвинского базируется на переосмыслении мира. Использование метафоры может подчеркивать оттенки не только сходства, но и различия явлений, предметов, на которые автор хочет обратить внимание читателя. Автор наделяет неживую природу чертами живой, а физический мир в целом – человеческими чертами.

The paper examined a figurative meaning in the course of emerging in the poetry piece by the Russian and Soviet writer Ilya Selvinsky (1899-1968). The study traced how some increments of figurative and expressive connotations to the meaning occur (altering the meaning) in the wording of a poetic essay by I. Selvinsky «A Journey round Kamchatka» (1932). The figurative language by I. Selvinsky was rooted in a rethinking of the world. Use of figures of speech may emphasize some shades of meaning that do not only refer to similarities between events or things, but either to difference between them as well, what the writer wanted to attract the reader's attention to. The writer endowed inanimate nature with the features appropriate to the animate one, while the physical world in a whole acquired some human features in his vision.

Ключевые слова: образность речи, семантические сферы, язык художественной литературы, Камчатка, И.Л. Сельвинский.

Key words: figurative speech, semantic fields/ domains, language of fiction, Kamchatka, Ilya L. Selvinsky.

doi: 10.17748/2075-9908.2015.7.2.087-093

Во все эпохи – от М.В. Ломоносова, затем А.С. Пушкина и Ф.И. Тютчева, а далее в Серебряном веке, в эпоху шестидесятников и, наконец, в наши дни –исследователей всегда привлекали и привлекают знаковые черты самобытного авторского стиля, неотъемлемой частью которого всегда была метафора.

Основным, определяющим началом существования метафоры является взаимодействие двух понятий, закрепленное лексически, создающее семантическую двуплановость метафоры. Метафора – естественное и универсальное проявление языка и мышления, связанное со способностью человека к обобщению.

Образные, неожиданные метафоры художественного текста позволяют увидеть предмет с новой стороны, утолить эстетическую потребность читателя. Это возможно потому, что принцип метафоризации состоит в изображении одного через другое, в неожиданном сопоставлении тех и таких предметов, которые обыденному непоэтическому сознанию не кажутся связанными друг с другом. Н.Д. Арутюнова убедительно заметила, что «в метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально специфического видения мира, но и его универсального образа» [1, с. 20]. Покажем это на материале таких метафор, через которые осуществляется сопоставление природно-временных характеристик с какими-либо субъектами окружающего мира. Природно-временные концепты использовались поэзией еще в античные времена.

Исследователи метафористики в поэзии как более раннего, так и более позднего периода обращали пристальное внимание на метафоризацию русскими поэтами таких категорий, как *день, ночь, свет, тьма, небесные светила*. Для первоначального сравнения попробуем поставить метафору XX века, рассматриваемую нами в настоящем труде, рядом с метафорой предыдущего века – XIX. Вот два примера такой метафоризации из разных эпох русской поэзии:

Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне...

(А. Пушкин)

И луна плыла, как лодка,
И ладья плыла луною.

(Ю. Мориц (примеры Е.А. Некрасовой) [9, с. 168])

Приведем и наши примеры из творчества поэта И.Л. Сельвинского:

Льются протоки вкосу и вдаль.
 Это парижская Place Etoile,
 Это водное солнце
 В стрелах, блестящих, как сталь.
 Еще пример из того же произведения:
 Обычный месяц, есенинский, рыжий,
 Цветным петухом сидел на сосне.

[11, с. 15].

Е.А. Некрасова замечает тему *света/мглы* в стихах А. Блока [9, с. 17]:

Она идет неслышным шагом,
 За нею шевелится мгла...

И ниже, в том же стихотворении («Предвечернею порою»):

И, улыбаясь мне, прошла –
 Такой же дымной и воздушной,
 Как окружающая мгла.

Таким образом, один и тот же лексический компонент в номинативном значении и в составе метафорического сравнения выполняет, как можно убедиться, разные функции по признаку абстракции/конкретности.

(Другой исследователь, Л.А. Краснова, отмечает, что существительное *туман* в разных формах встречается у А. Блока более двадцати раз [6, с. 69].)

Благодаря образным средствам, в персонифицированной метафоре объект (материальный или абстрактный) интерпретируется как человек (а иногда и наоборот), так что читатель (слушатель) имеет возможность воспринимать неодушевленные объекты окружающей реальности в категориях человеческих мотиваций, деятельностных актов и характеристик. М.А. Бакина в своей статье [3, с. 275, сноска] указывает, что «слово *день* в поэзии XIX века употреблялось как символ обозначения жизни», что соответствует метафорическому сравнению времени суток с периодизацией человеческой жизни. Ср. у Ф.И. Тютчева:

Если смерть есть *ночь*, если жизнь есть *день* –
 Ах, умаял он, пестрый *день*, меня!..
 И сгущается надо мною тень,
 Ко сну клонится голова моя...

(Мотив Гейне; пример М.А. Бакиной)

В.Я. Брюсов, однако, находит у того же Ф.И. Тютчева другую линию метафоризации ночи:

Святая *ночь* на небосклон взошла...

[5, с. 339–340].

Учет семантических нюансов открывает путь к метафоризации различных оттенков лексического значения, и тогда в процессе сравнения, вместо создания четкого зрительного или чувственного образа, актуализируются лишь словесно-речевые ассоциации слова-признака метафорического сравнения.

Примеры метафоризованной темы *солнце – луна, день – ночь* у других авторов:

Ночь. *Луна* рассияла лик,
Небо вызвезда в лучшем виде...

(В. Маяковский)

Мое *лицо*, как *звездное* пятно...

(М. Кузмин)

Бежала, как по воздуху.
 С *лицом*, как *май*, заплаканным...

(Р. Рождественский)

Солнце грело косым лучом
Тихо, просто,
Отболевши, как *лицо*
После оспы.

(С. Кирсанов)

О как *на склоне наших лет*
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Зари последней, *зари* вечерней.

(Ф. Тютчев)

(Некоторые примеры – О.В. Шульской)

В приведенных фрагментах (кроме последнего) заметна синонимия: *лицо* – *лик*. Высокий славянизм употребляется при описании ночного светила. Однако вот противоположный пример олицетворения, связанный с тем же светилом (пример О.В. Шульской [13, с. 168–169]):

Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать.

(С. Есенин)

В данном случае усложнение образа связано не только с преобразованием традиционного *лик* месяца, но и с нерасчлененностью в олицетворении понятий *человек* и *животное*. Попутно отметим, что анализ функционирования в художественной речи полной стилистической парадигмы (*лик* – *лицо* – *морда* и т.п.) позволяет сделать вывод о широком использовании экспрессивных возможностей стилистически маркированных средств. Выявляя многообразные стилистические нюансы в употреблении элементов синонимического ряда, можно сделать вывод об усложнении структуры слов, составляющих этот ряд в современном поэтическом языке, проследить тенденцию к изменению существительного в аспекте его стилистической характеристики.

Поэт и исследователь А. Белый (Б.Н. Бугаев) в статье «Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы» пишет: «Ночное светило у Пушкина – женщина, она, луна, враждебно-тревожная царица ночи (Геката); мужественно отношение к ней поэта; она тревожит, – он действие ее обращает нам в шутку и называет "глупой" луну: заставляет ее сменять тусклые фонари... Наоборот, Тютчев знает лишь "месяц" (почти не знает "луны"); он – "бог"; и он – "гений", льющий в душу покой, не тревожащий и усыпляющий душу; женственно отношение к "месяцу" души Тютчева; и она миротворно влечется за ним в "царство теней"» [4, с. 10–11].

Не вполне согласен с такой трактовкой *луны* И.Л. Сельвинский. Почти сразу вслед за указанной строфой о *месяце* он буквально раздражается поэтическими рассуждениями на «лунную» тему:

Там, в высоте, ни далеко, ни близко,
На ощупь гладка, на язык солона,
Сияла *дебелая, белолицая,*
Вынянчившая нас Луна.
Так и блистали почти что вместе
Всем своим номиналом сполна
Мелкий медный разменный *месяц*
И серебристый целкаш – *луна*.
Как же это? Что же это? Перст? Или вовсе
Соревнованье с Юпитером нас?
Оно конечно: там целых восемь,
А у Земли одна лишь *Луна-с*.

[11, с. 16].

У И. Сельвинского в его антропоморфном олицетворении применены прилагательные *дебелая, белолицая* и причастие *вынянчившая*, которые в обычной речи употребляются исключительно как характеристики человека (что, безусловно, соотносится с пушкинским метафорическим сравнением Ольги с *луной*, и мы, таким образом, можем вполне убедиться, что метафора XX века – по крайней мере, в части небесных светил – продолжает традиции века XIX).

В другом фрагменте –
Этим *вулканам* бы *гроб, да очки,*
Да кое-какую *пенсишку* на *хворость*

11, с. 16]

– *гроб, очки, пенсия, хворость* (болезнь) – денотаты, принадлежащие к человеческой атрибутике. (Здесь мы наблюдаем так называемую **лексическую солидарность**, о которой скажем подробнее ниже.)

В.К. Харченко, изучавшая творчество Б. Ахмадулиной, также обратила внимание [12, с. 103] на тему *луны* в стихах поэтессы [2, с. 74]:

Вздор – хлад, и желтизна, и белизна.
Что опыт, если все не предвестимо.
Как оборотень, движется *луна*,
Вобрав необратимое светило.

Вот – вся окружность видима. *Луну*:
Взойдет иль нет – уже никто не спросит.
Явилась и зависла. Я люблю
Ее привычку медлить между сосен.

(«*Луна до утра*»)

Существительное *привычка* означает: «поведение, образ действия, склонность, ставшие для кого-н. в жизни обычными, постоянными» [10, с. 540].

Таким образом олицетворение луны усиливается выбором этого абстрактного существительного. Луна, спутник планеты, космическое тело, принадлежность огромного пространства, становится живым участником события, практически партнером, со-субъектом созерцания.

Нерасчлененное сравнение у И. Сельвинского не показывает, с чьими свойствами – животного или человека – сравниваются свойства объекта олицетворения:

Ночью река – сплошная опасность:
Капризен фарватер – *слепой поводырь*

[11, с. 15].

Поводырем может быть как человек, так и собака.

Обычны лексикографические пометы, например: *ржать* – о лошади, *ползать* – о пресмыкающихся, *престарелый* – о человеке, и т.д. Но читаем у И. Сельвинского:

Кротко сидит *пожилой* медведь

[11, с. 18].

Таким образом, **лексическая солидарность** – это зависимость на уровне предметно ориентированных лексических значений. Она отображает те связи, которые обеспечиваются наличием у некоторого слова дескриптивных (то есть ориентированных на свойства референта) сем, присущих и некоторому другому слову, что проявлено в интерактивности таких сем. Но понятие лексической солидарности теряет свою определенность при анализе закономерностей сочетаемости слов с абстрактным (аналитическим) значением типа *любить*, *надеяться*; также *стоять* – о доме, городе и т.п.; *бросать* – об учебе, работе, и т.п. Ср. у И. Сельвинского:

Угрюмо и мрачно *стоит* *деревня*
Или, вернее, – *железня*.

[11, с. 9].

Попутно отметим, говоря о метафоричности глагола *стоять*, что если повествующий намерен сообщить о способе протекания некоторых событий, происходящих в какие-либо отрезки времени, то выбор указанных глаголов возможен при условии совместного с ними выбора слов, означающих этот способ и расчленяющих отрезки времени на определенные этапы:

И странный *день*, похожий на вечность,
Стоит в апатической тишине

[11, с. 10].

То есть время, составляющее *день*, идет столь медленно, что практически стоит. Глаголы обозначают в этих высказываниях не только грамматико-категориальные признаки семантически ключевых слов, но и лексически описывают способ протекания процесса (состояния), характеризуют означаемое ключевых слов с точки зрения его временных границ, быстротечности или длительности существования и т.п. Индивидуально-лексический способ отображения тако-

го рода свойств элементов действительности, обычно обозначаемых грамматическими средствами, удерживает за глаголом знаково-словесное качество.

Ср., например, метонимию у И. Сельвинского:

Встает председатель. *Камчаткой оброс*,
Глядит угодничком на посадьях

[11, с. 11].

В данном выражении словоформа *Камчаткой* – метонимия, так как председатель *оброс* не самим полуостровом, а камчатским укладом, обычаями. Вообще, семантическая сфера «природная стихия, простор, край земли» (а значит, и «география, карты») «сотрудничает» у И. Сельвинского с самыми разнообразными тропами (являющимися, скажем так, художественными «конкурентами» метафоры). Для фразеологических единиц, например, основной функцией является нейтрально-назывная, то есть при реализации в актах коммуникации важен факт обозначения объекта, а не стилистическое использование оборота. Для переосмысленных фразеологизмов (идиоматизмов и идиофразеоматизмов) также характерна назывная функция, но она является не нейтральной, а стилистически маркированной.

Там
под ландкартой
бубновая карта.
А все остальное *ни в зуб*

[11, с. 7].

Говоря здесь о метафоре И. Сельвинского, чтобы еще шире продемонстрировать ее тропеическую разноплановость, приведем пример эвфемистического мейозиса у этого автора:

Нет, не моей она музы гордость.
Не из алмазного фонда она

[11, с. 12].

Лирический герой через отрицание положительных фактов и оценок дает понять, что он невысокого мнения о данном произведении, которое как раз подходит по ситуации лучше всего. В.П. Москвин тоже противопоставляет понятие **эвфемии** и тропики: «Эвфемизм является средством зашифровки, поэтический троп выполняет в тексте декоративную функцию» [7, с. 15–16]. А вот пример (в том же произведении И. Сельвинского) эвфемизации на основе нарочито двусмысленной речи (метонимия, метафора, антифразис, паронимическая замена):

Чтобы рабочий класс Камчатки
Не был «*камчаткой*» в рабочем классе

[11, с. 20].

Здесь мы видим метафору в целях эвфемизации, то есть чтобы не говорить о том, что рабочий класс Камчатки не имеет тех преимуществ, которые имеют рабочие других, более приближенных к центру регионов. Поскольку здесь сопоставляются *Камчатка* как полуостров и «*камчатка*» как обитатели задних рядов, не участвующие полноценно в учебном процессе, можно приравнять такой каламбур к паронимической замене. (Однако целью настоящего исследования не является установление досконально исчерпывающей таксономии разновидностей фигур и тропов. Основной объект нашего изучения – метафора, метафорический строй).

Другой пример: эвфемизация на основе нарочитой неясности (при том условии, что она полностью снимается контекстом либо конситуацией): прономинализация, замена слов именованием соответствующего родового понятия, антономасия, эллипсис, искусственная книжность:

Иной, под стать молодым панычам,
Кое-как курится понемногу,
Но по ночам... Увы, по ночам
Они уж давно *ничего не могут*

[11, с. 17].

Здесь метафора, приравнивающая вулканы к мужчинам, дана в виде эвфемистической замены, **прономинализации**, о которой тоже говорил В.П. Москвин в другой статье [8, с. 64–67].

Мы видим, что Сельвинский, как правило, берет или словарное переносное значение слова (**языковую метафору**, ЯМ), или создает собственную, авторскую, **художественную метафору** (ХМ), придавая употребленному слову конкретное, «расчлененное» значение. Метафоры Сельвинского вещественны, зримы, предметны, не расплывчаты, не составляют непонятного образа, редко актуализируют сразу несколько значений одного и того же слова (пожалуй, «паром забил комсомольский ключ» – чуть ли не единственный пример актуализации двух значений: *забил гейзер и забила ключом деятельность комсомольцев*).

Однако, внимательно проследивая семантику метафор у Сельвинского, можно обнаружить непоследовательность образов его поэтического очерка. То он уподобляет природу человеку, сравнивая ее качества с человеческими, то в ней видит подтверждение своих абстрактных ассоциаций. От палеонтологии (*ящеры*) внезапно переходит к архитектуре (*готика, коридор*), в стихах возникают то *жилет*, то тут же *флажолет* и проч. Поэтому у читателя создается впечатление головокружительного калейдоскопа образов, придающего некую **энигматичность** фрагменту.

Из рассмотренных нами примеров, в том числе примера И.Л. Сельвинского, можно сделать выводы о том, что важным свойством метафор является относительная свобода варируемости объекта – носителя образности (агента). Свобода эта присуща агенту метафоры как положительно-оценочной, так и, напротив, отрицательно-оценочной (**мелиоративная и пейоративная метафора**).

Из природы художественного образа как формы двойственного отражения вытекает экспрессивность метафоры семантической сферы «природа». Такая метафора составляет основу эмоционального, оценочного слоя образа, возникающего наряду с его логической базой.

Итак, метафоры представляют собою сложную форму человеческого восприятия; функционируют они на пересечении двух систем: системы художественного отражения, общей для искусства в целом, и системы языкового отражения объективной реальности, включающей, в частности, мир мыслей и чувств человека.

Специфика построения метафор дает читателю представление об особенностях авторского восприятия явлений действительности.

Метафоры И. Сельвинского поддаются классификации по лексическому, по семантическому признакам, а также по их эстетической функции. Отнесенность метафоры к языковой или художественной категории показывает нам, прежде всего, ее эстетическую нагруженность. На данном этапе творчества И.Л. Сельвинского пропорция между языковыми и художественными метафорами выглядит примерно как один к двум (собственных художественных метафор в два раза больше, чем использованных общеязыковых).

В целом, рассматривая, с какой семантической сферы на какую переходит значение денотата в произведении И. Сельвинского, мы обнаружили, что больше всего метафор Сельвинский употребляет, изображая *физический мир*. Это объясняется темой поэтического очерка, посвященного путешествию на Камчатку, ее диковинной природе, которая произвела на автора наиболее яркое впечатление. Природу поэт сравнивает с предметами и с людьми, то есть приписывает объектам природы человеческие свойства, а также ищет сходства необычной природы с бытовыми предметами. Мы убедились, что метафоры И. Сельвинского соответствуют основным видам системных связей и отношений, свойственных лексической системе языка в целом.

Индивидуально-авторские метафоры, становясь достоянием литературного языка, расширяют его поэтические резервы, обогащают поэтику. Значительный удельный вес метафоры в общей системе художественных приемов, их функционирование в художественных текстах, постоянные поиски новых метафорических средств – все это свидетельствует о важности представлений как средства познания окружающей действительности. Изучение феномена метафоры в структуре текста способствует раскрытию ряда смежных проблем: влияние писателя, поэта на язык, его резервную мощь; взаимодействие художественных приемов в том или ином тексте, а также применение сходных приемов в различных жанрах; развития функции языка как выразителя культуры и ее ярких представителей. Можно констатировать, что И. Сельвинский как мастер слова чувствовал тенденции развития языка: его художественная метафористика идет в ногу с его эпохой, продолжает традиции предыдущих поколений истинных художников слова; со временем она закрепились в словарях в качестве языковых фактов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора. Синтаксис и лексика // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – 384 с.

2. *Ахмадулина Белла*. Тайна. Сборник стихотворений. – М., 1983. – 192 с.
3. *Бакина М.А.* Общеязыковая фразеология как выразительное средство современной поэзии // Языковые процессы в современной русской поэзии. – М.: Наука, 1982. – 400 с.
4. *Белый А.* Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы // Белый А. Поэзия слова. – Петербург: Эпоха, 1922. – С. 7–19.
5. *Брюсов В.Я.* Погоня за образами // Брюсов В.Я. Избр. соч. в 2-х тт, том II. – М.: ГИХЛ, 1955. – С. 339–342.
6. *Краснова Л.А.* Поэтика Александра Блока. Очерки. – Львов: Изд-во Львовск. ун-та, 1973. – 272 с.
7. *Москвин В.П.* Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. – Волгоград, 1999. – 256 с.
8. *Москвин В.П.* Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // ВЯ. – 2001. – № 3. – С. 58–70.
9. *Некрасова Е.А.* Сравнения в стихотворных текстах: А. Блок, Б. Пастернак, С. Есенин // Некрасова Е.А., Бакина М.А. Языковые процессы в современной русской поэзии. – М.: Наука, 1982. – 400 с.
10. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 12-е изд. – М., 1978. – 784 с.
11. *Сельвинский И.Л.* Путешествие по Камчатке. Поэтический очерк // Сельвинский И.Л. Собр. соч. в 6 тт. Т. 4. – М.: Худож. лит., 1973. – С. 5–21.
12. *Харченко В.К.* Переносные значения слова. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1989. – 200 с.
13. *Шульская О.В.* Из наблюдений над функционированием синонимов // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1989. – С. 150–173.

REFERENCES

1. *Arut'unova N. D.* The language metaphor. Syntax and vocabulary. Linguistics and poetics. [Iazykovaia metafora. Sintaksis i leksika, Lingvistika i poetika]. *Moskva: Nauka (The Science)*, 1979; 384 p. (in Russ.).
2. *Akhmadulina Bella.* Mystery. A collection of poems. [Taina. Sbornik stikhotvorenii]. *Moskva*, 1983; 192 p. (in Russ.).
3. *Bakina M. A.* The common-language phraseology as an expressive means of modern poetry. Language processes in modern Russian poetry. [Obshcheiazykovaia frazeologiya kak virazitel'noe sredstvo sovremennoi poezii, Iazykovye processy v sovremennoi russkoi poezii] *Moskva: Nauka (The Science)*, 1982; 400 p. (in Russ.).
4. *Belyi A.* Pushkin, Tutchev and Baratynsky in the visual perception of nature. The poetry of a word. [Pushkin, Tutchev i Baratynskii v zritel'nom vospriatii prirodi. Belyi A. Poeziia slova]. *Sankt- Peterburg, Epokha (The Age)*, 1922; pp. 7 – 19. (in Russ.).
5. *Br'usov V. Ia.* The pursuit of images. *Bryusov V.* Selected works in 2 volumes, v. 2. [Pogonia za obrazami. *Br'usov V. Ia.* Izbr. soch. v 2 tt, tom II], *Moskva, GIHL (State publishing house of fiction)*, 1955; pp. 342 – 349. (in Russ.).
6. *Krasnova L. A.* The poetry of Alexander Blok. Essays. [Poetika Aleksandra Bloka. Ocherki]. *L'vov. Izd. L'vovskogo. Univ. (Publishing house of Lviv University)*, 1973; 272 p. (in Russ.).
7. *Moskvin V. P.* Euphemisms in the lexical system of modern Russian language. [Evfemyzmi v leksicheskoi sisteme sovremennogo russkogo iazyka]. *Volgograd*, 1999; 256 p. (in Russ.).
8. *Moskvin V.P.* Euphemisms: systematic relations, functions and methods of production. [Evfemyzmi: sistemnye svyazi, funktsyi i sposoby obrazovaniia] *Voprosy Iazykoznanii (Questions of linguistics)*, 2001, № 3, p. 58 – 70. (in Russ.).
9. *Nekrasova E. A.* Comparison in poetic texts: A. Blok, B. Pasternak, S. Iesenin. *E. A. Nekrasova, M. A. Bakina.* Language processes in modern Russian poetry. [Svrnieniia v stikhotvornykh tekstakh: A. Blok, B. Pasternak, S. Iesenin. *Nekrasova E. A., Bakina M. A.* Iazykovye processy v sovremennoi russkoi poezii]. *Moskva: Nauka (The Science)*, 1982; 400 p. (in Russ.).
10. *Ozhegov S. I.* The dictionary of the Russian language. 12th edition. [Slovar' russkogo iazyka. 12 izd.], *Moskva*, 1978; 784 p. (in Russ.).
11. *Selvinskiy I. L.* The journey across Kamchatka. Poetic essay. *I. Selvinsky.* Collected works in 6 volumes, v. 4. [Puteshestvie po Kamchatke. Poeticheskii ocherk. *Selvinskiy I. L.* Sobr. Soch. v 6 tt, tom 4], *Moskva, Khudozhestvennaia literature (Publishing house "Fiction")*, 1973; p. 5 – 21. (in Russ.).
12. *Kharchenko V. K.* Figurative meanings of a word. [Perenosnye znachenia slova]. *Voronezh, Voronezh state University*, 1989; 200 p. (in Russ.).
13. *Shul'skaya O. V.* From observations on the functioning of synonyms. Problems of structural linguistics. [Iz nabludenii nad funktsionirovaniem sinonimov. Problemy struktural'noi lingvistiki]. *Moskva*, 1989; pp. 150 – 173. (in Russ.).

Информация об авторе

Ястребов-Пестрицкий Михаил Сергеевич, Аспирант 4-го года обучения, кафедры русского языка, «Московский государственный областной социально-гуманитарный институт (МГОСГИ), Московская обл., 140410, г. Коломна, ул. Зеленая, 30 Ведущий спе-

Information about the author

Yastrebov-Pestritskiy Mikhail Sergueevich, Post-graduate Student (4th year of study) at the Chair of Russian Language, Moscow District State Institute of Social Studies and Humanities (MDSISSH), 30 Zelenaya Str., 140410 Kolomna town, Key Specialist, Research Library, Russian Feder-